

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2026. Том 30, № 3
ДОНСКИЕ СТРАНИЦЫ

Научная статья

УДК 821.161.1+82-312.4

ББК 83.3(2=411.2)52

<https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-3-10-21>

РОСТОВСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД В ЖАНРОВЫХ КООРДИНАТАХ ДЕТЕКТИВА

Анна Владимировна Кузнецова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Рассматривается культурный код, реконструируемый в жанре ретродетектива. Определено, что ростовский культурный код вступает в сложные многоуровневые отношения с ростовским городским текстом. Как семиотическое образование, ростовский культурный код опирается в своем функционировании на знаки городского текста. На материале детективного романа Лизы Лосевой «Черный чемоданчик Егора Лисицы» доказано, что ретродетектив усложняет региональные образы, создавая метаисторическую перспективу в реконструкции прошлого, что становится фундаментом мифологизации ушедшего времени и одновременно обытовления детективного сюжета.

Ключевые слова: культурный код, ростовский текст, детектив, жанр, художественное пространство, локус, семиотика города

Для цитирования: Кузнецова А. В. Ростовский культурный код в жанровых координатах детектива // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2026. Т. 30, № 3. С. 10–21. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-3-10-21>

Original article

ROSTOV CULTURAL CODE IN THE GENRE COORDINATES OF A DETECTIVE NOVEL

Anna V. Kuznetsova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The article examines the cultural code reconstructed in the retro detective genre. It is proved that the Rostov cultural code enters into complex, multi-layered relationships with the Rostov urban text. As a semiotic entity, the Rostov cultural code relies on the signs of the urban text. Using Liza Loseva's detective novel "Yegor Lisitsa's Black Suitcase," it is demonstrated that the retro detective novel complicates regional images by creating a metahistorical perspective in the reconstruction of the past, which becomes the foundation for the mythologization of a bygone era and, simultaneously, the focusing on everyday details of the detective plot. In a retro detective story, the aesthetic purpose of spatial and temporal coordinates is not to solve the logical puzzles of the investigation, but to recreate a holistic cultural space using the signs of urban text: architecture and urban landscape, urban stories and myths that mark the spiritual and cultural sphere, the climate and value system of the city's residents,

their gastronomic preferences and olfactory associations. These signs of urban text become cultural artifacts, defining Rostov's cultural code.

Key words: *cultural code, Rostov text, detective story, genre, artistic space, locus, urban semiotics*

For citation: Kuznetsova, A. V. (2026). Rostov cultural code in the genre coordinates of a detective novel. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 30, no. 3, pp. 10-21. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-3-10-21>

Введение

Проблематика изучения культурного кода характеризуется в гуманитарной парадигме растущей интенсивностью исследования, что определяет уточнение различных признаков этого сложного феномена. Особый ракурс сообщают культурному коду его корреляции с конкретным культурным и географическим пространством, что позволяет фиксировать обширный эвристический потенциал рассмотрения культурного кода в координатах локуса и хронотопа.

Важное место в этой сфере занимает осмысление регионального текста русской литературы, проблемно обозначенного в отечественном литературоведении довольно давно и не потерявшего своей актуальности. Притом что изучение региональной литературы преодолело рамки литературного краеведения, были опубликованы фундаментальные работы по уральскому [Абашев, 2006; История литературы Урала, 2012, 2020], сибирскому [Сибирский текст ... , 2010; Бондарчук, 2025; Рогачева, 2000; Янушкевич, 2004], пермскому тексту [Абашев, 2000], термин «региональный текст» пока не имеет отчетливых понятийных границ и устойчивой дефиниции, которая удовлетворяла бы всех исследователей в этой области. Тем не менее факт выделения и обособления регионального текста от классически обоснованных московского [Лотман, Успенский, 1982; Меднис, 2003] и петербургского [Лотман, 1984; Топоров, 1995] текстов непротиворечиво свидетельствует о примечательных процессах не только в сфере науки о литературе, искусствоведения и семиотики, но и в целом в координатах общественного сознания.

Терминосистема, посредством которой описываются сегодня явления региональной литературы, пополняется новыми определениями: так, например, для анализа регионального текста и культурного кода, фиксируемого в нем, используются термины «городской текст», «региональная/локальная картина мира», «геопоэтика», «сверхтекст» [Буханова, 2025; Замятин, 2004; Каримова, 2025; Меднис, 2003; Игнатенко, 2025; Nikolaeva, Troitskaya, 2025]. Очевидно, что в литературоведении продолжают формироваться различные подходы к пониманию эстетического взаимодействия автора и «места», являющегося не только пространством событийности, но и одним из центральных компонентов художественного мира, который обладает особой семиотической глубиной и фиксирует значимые эстетические смыслы. В этом отношении установление взаимного влияния индивидуально-авторской картины мира и регионального текста, особым образом функционирующего в координатах культурного пространства, которое обусловливается в том числе пространством географическим, выстраивает иерархические отношения понятий, определяющих разрабатываемое исследовательское поле.

Культурное пространство города изучается современной наукой с позиций архитектуры и экономики, культурологии, социологии, социолингвистики, литературоведения. Город исследуется как семиотическая система [Борисов, 2024; Лотман, 2004], воплощающая менталитет его жителей, традиции и

поведенческие модели [Маслова, 2017]. Семиотика города получает возможность непротиворечивого описания при обращении к понятийному потенциалу культурного кода, который может быть плодотворно изучен в координатах конкретных жанров.

Далеко не все жанры обращены к возможно более полному воплощению культурного кода, фиксируемого в конкретном локусе. Среди жанровых образований, закономерно направленных на обнаружение культурного кода и его развитие в художественном мире, особо стоит выделить ретродетектив, позволяющий, с одной стороны, воссоздать пространство далекого прошлого, тем самым реализуя познавательную функцию художественной литературы, с другой — этот жанр участвует в создании необходимых культурных связей в восприятии и интерпретации художественного текста, определяя воспитательные стратегии, что для детектива как синкретичного жанрового образования вовсе не характерно.

Цель статьи состоит в выявлении и описании эстетических функций культурного кода Ростова-на-Дону в жанре детектива. Материалом исследования выступает детективный роман Лизы Лосевой «Черный чемоданчик Егора Лисицы» [Лосева, 2023]. Методы исследования составляют единый комплекс, применяемый к материалу исследования, приоритетными являются дедуктивно-индуктивный метод, методы наблюдения, сравнения и сопоставления, литературоведческого анализа и филологической интерпретации.

Исследование и его результаты

Как набор стереотипов в сознании определенной группы людей, культурный код формируется в конкретном социокультурном сообществе. Это комплекс понятий, смыслов, моделей поведения, который способствует координации восприятия действительности в рамках архетипической оппозиции *свой* — *чужой*. Совокупность психологических и мировоззренческих установок, составляющих культурный менталитет города, образует фундамент городского культурного кода. Именно ценности и антиценности представителей городской культуры создают системную целостность в парадигме культурного кода, сохраняемого в пространстве и времени и транслируемого в различных формах (медиа, реклама, искусство, политика и пр.).

В литературном произведении культурный код получает оформление через языковые и культурные нормы, которые оказывают влияние на читателя, вектор его интерпретации сюжета, системы персонажей, авторской оценки и самого присутствия субъекта повествования в художественном тексте. Особое значение при этом приобретает понимание значения слов и выражений в историческом и культурном контексте [Кушнерук, 2021; Шевченко, 2024].

Город является способом окультуривания пространства, поэтому закономерен интерес писателей к созданию образа города в литературных произведениях, при этом «внеположенная городскому тексту реальность не вполне адекватно отражается в нем и свобода текста в отношении используемого материала относительна» [Топоров, 1995, с. 281]. Город представляет собой, как указывает Д. С. Лихачев, важную ступень развития культуры и способствует ее исторической преемственности: «образ города предстает перед нами в двух аспектах: в аспекте синхронии — его внешний облик как наглядная данность, и в аспекте диахронии — восприятию его как истории, как становления культуры» [Лихачев, 1999, с. 565]. В современном мире окончательно сформировано двойственное отношение к городу как тексту культуры: это распадающи-

еся связи, отчуждение, механизированная жизнь, но также это дом, личностное, защищенное от чужих пространство, ассоциирующееся с идеей безопасности [Москва и Петербург ... , 2000, с. 52]. Рассматривая образ Петербурга, исследователи отмечают, что это «город-декорация, фасад Империи, город-театр, обитатели которого призваны к жестоко регламентированному ролевому поведению». Петербург, благодаря «регулярной» архитектуре, стилистической градостроительной пестроте превращается в «город-компиляцию, город-коллекцию и город-музей» [Москва и Петербург ... , 2000, с. 18]; в то же время он осознан как «город-жертва, каменный каприз, воздвигнутый на зыбкой стихии» [Москва и Петербург ... , 2000, с. 54]. Концепция изучения города как текста была предложена В. Н. Топоровым, трактующим петербургский текст русской культуры как «не просто усиливающее эффект зеркало города, но устройство, с помощью которого и совершается переход *a realibus ad realiora*, пресуществление материальной реальности в духовные ценности, отчетливо сохраняет в себе следы своего внетекстового субстрата <...> Текст, следовательно, обучает читателя правилам выхода за свои собственные пределы, и этой связью с внетекстовым живет и сам петербургский текст, и те, кому он открылся как реальность, не исчерпываемая вещно-объектным уровнем» [Топоров, 2003, с. 7].

Безусловно, давно назрела необходимость осмысления ростовского текста как многоуровневого, социально и культурно значимого феномена, в том числе и в художественной литературе. М. Ч. Ларионова справедливо подчеркивает: «Как и у других городских текстов, у „ростовского текста“ имеются определенные приметы, показатели, присущие литературе только данной местности. В первую очередь это пространственные образы: река Дон, Азовское море, степь. Нужно помнить и то, что происходит разделение на приазовский и казачий регионы. Мы предполагаем, что они, в свою очередь, обуславливают и определенный тип героя литературы. Степь символизирует простор, свободу, и герой здесь свободолюбивый, находящийся в постоянном поиске, в пути» [Ларионова, 2015, с. 202–203]. В нашем исследовании мы рассматриваем ростовский культурный код как семиотический фундамент ростовского текста в узком смысле, т. е. как текста именно географического и культурного пространства г. Ростова-на-Дону, которое, разумеется, является пространством разомкнутым, открытым для внешних влияний, но всегда подчиняющим их собственным культурным параметрам.

Образ города как конкретного топографического пространства, локуса создавал координаты пребывания и действий героя, становился в мировом литературном процессе не только фоном сюжетных коллизий, но и персонажем, способным во многом конкретизировать жанровые признаки и интерпретацию художественного мира читателем. На карте России есть города, обладающие историческим значением в развитии государства и национального самосознания и формирующие уникальный тип личности, что определяет становление характера и ценностных ориентиров персонажа. Такие города представлены в художественных произведениях как социальный, культурный, политический «организм», обусловленный топографией, климатом, экономическими связями, и к ним, бесспорно, относится и Ростов-на-Дону, который занимает особое место в сознании читателя.

Наиболее плодотворным ростовский текст становится в жанре детектива, так как устойчивой характеристикой топоса остается сформированная в течение XX в. ассоциативная связь с представлением о богатстве портового

города и процветающей в нем преступности. Выбор материала исследования неслучаен, поскольку Лиза Лосева пишет именно детективные романы, однако пространственно-темпоральные координаты развития сюжетов определены не столько самой детективной интригой [Полева, Ключник, 2025], сколько стремлением автора показать уникальность Ростова, отразив ностальгическое отношение к его прошлому в исторических «декорациях» 1920-х гг. Ростов-на-Дону и Нахичевань-на-Дону описаны топографически точно, а неповторимые архитектурный и природный ландшафты способствуют развитию детективной событийности.

Жанр детектива особым образом развит в романах Лизы Лосевой, и его устойчивые черты приобретают новаторскую вариативность. В том виде, в каком классический детектив формируется в английской литературе рубежа XIX–XX вв., он представляет собой устойчивый в своих признаках жанр, так как ему присущи жанровые доминанты, определяющие строгие правила игры автора с читателем. Эти доминанты включают наличие самого преступления, героя-расследователя (им может быть любитель или профессионал, не состоящий на службе в полиции). Также для классического английского детектива важны эксцентричность и/или необычный талант расследователя, наличие у него помощника или помощницы, у которых нет способностей главного героя, а также представители полиции, составляющие оппозицию к герою-расследователю, но стремящиеся достичь той же цели — установить виновных в преступлении, разгадав их мотивы. Лиза Лосева, создавая серию детективных романов о Егоре Лисице, отступает от некоторых жанровых признаков классического детектива: например, у главного героя нет помощника или такие помощники появляются в детективной событийности ситуативно. К тому же главный герой романа «Черный чемоданчик Егора Лисицы» с ведома властей помогает в расследовании преступления, имея некоторое отношение к судебной медицинской экспертизе, а в других романах становится штатным медицинским экспертом милиции. Эксцентричность героя-расследователя претерпевает трансформации, необходимые для реализации жанровых стратегий ретродетектива. Так, Егор Лисица, активно действуя в локусе Ростова, не является коренным ростовчанином: такое изменение, вносимое в жанровые признаки детектива, позволяет автору ввести множественные характеристики ростовского культурного кода как бы со стороны. Это и понятно: коренной ростовчанин не может обладать таким свежим восприятием культурного пространства Ростова, этого уникального городского текста просто по причине того, что культурная специфика города может быть полно воспринята только внешним наблюдателем, не привыкшим пока к буйству красок и запахов, ростовскому менталитету, множественности культур и языков, не только мирно сосуществующих в Ростове, но и подпитывающих друг друга, что выводит их на новый виток развития. Так, например, описание Нового базара и поистине необыкновенного южного разнообразия различной снеди, которая продавалась на нем, завершается в повествовании героя-рассказчика Егора Лисицы высказыванием, что он так и не решился попробовать маринованные виноград и арбузы: *«Помидоров таких, как продавали на этом [Новом] базаре, я потом не видел больше нигде. Розовые, как будто мясные, и другие — мелкие, плотные, алые. Хозяйки и прислуга еще всегда берут маринованный виноград и арбузы, их я так никогда и не решился попробовать»* [Лосева, 2023, с. 154]. При этом читатель должен при описании художественного пространства города воссоздать в своей памяти цвет и запах помидоров под южным солнцем,

которые невозможно сравнить ни с чем (и герой это подтверждает: *помидоров таких, как продавали на этом базаре, я потом не видел больше нигде*).

Тесное соседство (а в 1928 г. — объединение) двух городов — Ростова-на-Дону и Нахичевани-на-Дону — также приобретает в романе Лизы Лосевой особое значение: воплощая образ армянского города, автор получает возможность ярче проявить за счет значимых отличий ростовский культурный код, его доминанты и специфику: *«Армянский город начинался внезапно. Никакой видимой границы не было, и все-таки она была. Если Ростов лепится, как зубы — к десне, выступающими постройками разной высоты и формы к берегу реки, тянется вдоль нее неровной линией, то здесь, сразу за громадным зданием управления Ростово-Владикавказской железной дороги, в сумерках удивительно похожим на корабль, начинались ровные, как под линейку, улицы. Они так и назывались — линии»* [Лосева, 2023, с. 127].

Место действия в классическом детективе всегда определено, как и время, которое ограничивается процессом расследования и разрешения загадки преступления. Также ретроспекции необходимы в воссоздании картины преступления, могут быть привлечены к объяснению его мотивов. Но, поскольку роман представляет собой ретродетектив, в художественном мире сосуществуют настоящее героя (далекое прошлое для современного читателя, 1920-е гг.) и прошлое не только самого расследователя, но и города. Именно здесь, как представляется, возникает необходимый для функционирования культурного кода семиотический контекст, позволяющий воссоздавать городское пространство таким, каким оно было сто лет назад. Ростовский культурный код обнаруживает новые аспекты именно в со- и противопоставлении прошлого и настоящего города (во времени читателя), а также в установлении корреляций временных пластов в жизни героя-расследователя, который оказывается на границе двух миров — до- и послереволюционного. Так, герой-рассказчик описывает открытие кинотеатра «Художественный», которое стало важным событием для города, а само здание торгового дома Яблоковых сохранилось на главной улице Ростова-на-Дону, Большой Садовой, и по сей день, являя собой один из лучших образцов архитектуры модерна: *«В торговом доме Яблоковых состоится открытие первого в городе и удивительного по удобству, роскоши отделки кинематографа „Художественный“. Торговый дом Яблоковых на деле принадлежал Иоашу Рувимовичу Гоцу, уважаемому человеку, которого в городе хорошо знали, владевшему торговой фирмой»* [Лосева, 2023, с. 94]. Невозможно представить ростовский культурный код вне постоянного желания ростовских промышленников и купцов не только быть вровень со столичными, но и стать успешнее и богаче их, и поэтому, разумеется, автор не может обойти вниманием и ростовский трамвай, единственный в России ходивший по междугороднему маршруту — между Ростовом и Нахичеванью, да и вообще часто возвращается в своем произведении к мысли о том, насколько важна предприимчивость в культурном пространстве Ростова-на-Дону.

Особое место в процессе воплощения ростовского культурного кода занимает в ретродетективе «Черный чемоданчик Егора Лисицы» изложение различных исторических фактов, которые трансформировались в городские легенды, например: *«В одну из смен власти в городе большевики потребовали у банка допечатать деньги. Руководство же банка, не признавая их официальной властью, долго тянуло с печатанием, а потом и вовсе решилось на хитрость. Один из граверов поместил на рисунке императора лишнюю черту на*

завитке у цифры. Этот „секретный ключ“ отличал деньги от царских банкнот» [Лосева, 2023, с. 144–145]. Можно с уверенностью утверждать, что ростовский культурный код включает в себя не только понятие предприимчивости и определенную степень хитрости, но и известную долю артистизма, с которым осуществляются различные коммерческие начинания на законном и не вполне законном основании, когда даже представители финансовых кругов не открыто заявляют о своем нежелании сотрудничать с новой властью, а действуют, на первый взгляд, в соответствии с ее требованиями, но все же соотнося свои шаги прежде всего с пониманием собственной выгоды.

Безусловно, одним из необходимых жанровых признаков ретродетектива, позволяющих создать иллюзию исторической достоверности, является включение в рамки городского текста реальных исторических личностей, внесших значимый вклад в формирование культурного кода. Причем в ретродетективе «Черный чемоданчик Егора Лисицы» такие персонажи не названы настоящим именем только потому, что все интересующиеся историей Ростова и так их знают, например: *«У стола с пепельницей <...> сидел очень интересный мне, но слишком увлеченный профессор истории. В наш город он попал вместе с эвакуированным Варшавским университетом <...> Профессор <...> занялся раскопкой скифских курганов в степи и не бросал своей работы даже под пулями»* [Лосева, 2023, с. 72–73]. Этот профессор — Иван Павлович Козловский (1869–1942), сыгравший важную роль в эвакуации Варшавского университета в Ростов-на-Дону в 1915 г. и много сделавший для становления археологии на Дону. Открытие университета в Ростове-на-Дону также упомянуто в детективе, ведь оно стало неотъемлемой частью ростовского культурного кода: *«Когда германские войска подошли к Варшаве, несколько факультетов с лабораторией и клиникой снялись с места и переехали к нам. Сначала думали, что временно, но потом стало ясно, что надолго. Медицинскому факультету <...> отдали отличные помещения главной городской больницы, остальных разместили как сумели»* [Лосева, 2023, с. 72].

Время и пространство в классическом детективе образуют единый хронотоп, вполне статичный для того, чтобы читателю, следующему за автором, было удобно разгадывать тайну преступления. Хронотоп классического детектива задает необходимую детализацию художественного мира для того, чтобы часть деталей «работала» на разрешение загадки вместе с расследователем. Очевидно, что ретродетектив Лизы Лосевой имеет в этом отношении иную направленность: время и пространство нужны здесь не для решения логических загадок, а для воссоздания целостного культурного пространства, явленного сквозь призму восприятия героя. При этом детальное воспроизведение городского текста как семиотического конструкта [Хализев, 2022] явно направлено на обнаружение ростовского культурного кода с целью узнавания читателем его компонентов в жизни читателя в XXI в. Не только многие архитектурные сооружения до сих пор, к счастью, сохранились в Ростове-на-Дону, но и культурный код города жив: гастрономические пристрастия ростовчан, которые описывает Лиза Лосева подробно и со вкусом, делая их почти зримыми, остаются практически теми же, например: *«...угощают здесь по-домашнему: всегда на столе пряная травка на плоском блюде — привычка, взятая от местных армян, острый сыр. В сезон — донская селедка, мелкая и жирная, с горчичным соусом и незлым луком. Бывает и янтарный бок копченого сома. Но всегда в середине стола в глубокой миске — тушеная баранина со специями. В городе запахи этих специй, а кроме них сладкие и тревожащие*

запахи бадьяна, гвоздики и, конечно, кофе — повсюду» [Лосева, 2023, с. 155–156]; «По-домашнему накрывали столы с неперменным белым армянским сыром и „греческим“ вареньем, когда абрикос, а по-местному — жердѣла, сохранялся в сладком густом янтарном сиропе целым» [Лосева, 2023, с. 20]; «Между рамами окон стояли <...> стеклянные бутылки с густо-красными, как венозная кровь, „пьяными“ вишнями. Это был один из местных деликатесов, вишни подавали гарниром к бараньему жаркому» [Лосева, 2023, с. 128].

Представляется, что важную роль в восприятии культурного кода города играют и запахи, которые несут и для героя, и для читателя очень важную информацию о Ростове-на-Дону: «И сейчас, <...> если вдруг запахнет сеном, то мне вспоминается Новый базар, вокруг которого запахи были невообразимые. Кроме сена пахнет еще и конским навозом, а потом — копченым мясом, сырой рыбой, летом и осенью — сладковато гниющими фруктами, дынями. Редкий ветер с реки смывает эти запахи, как мелкая речная зеленоватая волна» [Лосева, 2023, с. 153–154]. Действительно, обонятельные ассоциации находятся в числе самых устойчивых, и поэтому их участие в формировании представлений о мире неоспоримо.

Климат, играющий немаловажную роль в восприятии самого себя в мире (как для героя детектива Лизы Лосевой, так и для читателя, который не понаслышке знаком с непредсказуемой и зачастую жестокой погодой Ростова), также становится структурообразующим элементом культурного кода города. Например, очень точно передан переход от зимы к весне, в котором читатель вполне узнает климат современного Ростова, непредсказуемый и не дающий никому расслабиться: «Эти дни в городе, когда уходящая зима ключкой цепляла весну, были всегда промозглыми. То шел неприятно колючий дождь вперемешку со снегом, то наступали дикие морозы, когда на толстый лед реки не выходили даже конькобежцы» [Лосева, 2023, с. 47]. Автор органично вплетает в описание погоды исторический факт катаний на коньках по льду Дона, популярных в конце XIX в. — первые десятилетия XX в., что вписано в культурный код города.

Ростовский культурный код получает выражение во взаимосвязи знаков городского текста, обнаруживая свою семиотическую природу: в архитектуре, планировке и специфике городского ландшафта, духовно-культурной сфере, которая целостно запечатлевается в историях, приобретающих зачастую легендарный характер, и городских мифах, а также в климатических элементах, аксиосфере жителей города, их гастрономических пристрастиях и обонятельных ассоциациях. Знаки городского текста приобретают со временем характеристики культурных артефактов.

Заключение

Усложнение региональных образов происходит в жанре ретродетектива посредством создания метаисторической перспективы в процессе реконструкции прошлого, которая, в свою очередь, позволяет мифологизировать прошлое и обытовлять детективный сюжет, приближая его к обыденности читателя. Эстетические функции культурного кода в жанре детектива направлены на расширение познавательных возможностей художественной литературы и осуществление ее воспитательного влияния.

Фундамент ростовского культурного кода составляет совокупность психологических и мировоззренческих установок, образующих культурный менталитет города. Ростовский культурный код образует семиотическую основу

текста города как географического и культурного пространства Ростова-на-Дону.

В романе Лизы Лосевой «Черный чемоданчик Егора Лисицы» сосуществуют настоящее героя (1920-е гг.) и прошлое рассказчика-расследователя и города. Так возникает необходимый для функционирования культурного кода семиотический контекст, способствующий воссозданию городского пространства столетней давности: ростовский культурный код обнаруживает новые аспекты именно в со- и противопоставлении прошлого и настоящего города (во времени читателя), а также в установлении корреляций временных пластов в жизни героя-расследователя. В ретродетективе пространственно-темпоральные координаты имеют своей эстетической целью не решение логических загадок расследования, а воссоздание целостного культурного пространства с помощью знаков городского текста: архитектуры и ландшафта, городских историй и мифов, маркирующих духовно-культурную сферу, климата и ценностной картины мира горожан, их гастрономических пристрастий и обонятельных ассоциаций. Эти знаки городского текста становятся культурными артефактами, определяя ростовский культурный код.

Список источников

Абашев В. В. Геопоэтический взгляд на историю литературы Урала // Литература Урала: история и современность : сб. ст. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2006. С. 17–30.

Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000. 404 с. EDN: QIRNEL.

Бондарчук Д. Е. Национальная идентичность через призму геопоэтики «сибирского текста» (на материале романа Л. А. Юзефовича «Зимняя дорога») // Литература в школе. 2025. № 4. С. 36–43. EDN: GFUNSI. <https://doi.org/10.31862/0130-3414-2025-4-36-43>

Борисов Б. Н. «Анатомический атлас» города: смертельный код в романе А. Платонова «Счастливая Москва» // Сиб. филол. журн. 2024. № 2. С. 99–111. EDN: PJCFPO. <https://doi.org/10.17223/18137083/87/9>

Буханова Е. Д. Сюжет путешествия в повести А. Г. Битова «Птицы, или Оглашение человека» (1971, 1975). Мифопоэтика Куршской косы // Сиб. филол. журн. 2025. № 1. С. 123–136. EDN: ATKYCM. <https://doi.org/10.17223/18137083/90/9>

Замятин Д. Н. Метагеография, пространство образов и образы пространств. М.: Аграф, 2004. 512 с.

Игнатенко А. В. Параметры идиодискурсивного и лингвоэстетического художественного моделирования // Russian Journal of Linguistics. 2025. Т. 29, № 3. С. 688–711. EDN: CEIMCN. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-43207>

История литературы Урала. Конец XIV–XVIII в. / гл. ред.: В. В. Блажес, Е. К. Созина. М.: Языки славянской культуры, 2012. 608 с.

История литературы Урала. XIX век : в 2 кн. / под ред. Е. К. Созиной. М.: Языки славянской культуры, 2020. 1440 с.

Каримова Ж. А. Городской текст в прозе Лили Калаус как элемент серийности // Oriental Studies. 2025. Т. 18, № 3. С. 658–676. EDN: ZGUGD. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2025-79-3-658-676>

Кушнерук С. Л. Городская жизнь сквозь линзу локальной прессы: анализ фреймов // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2021. № 4 (42). С. 140–150. EDN: RFYESJ. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2021-10416>

Ларионова М. Ч. «Ростовский текст» русской литературы // Проблемы полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья : материалы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 29–30 сентября 2015 г.) / отв. ред. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 201–206. EDN: UYVLGH.

Лихачев Д. С. Образ города и проблема исторической преемственности, развития культур // Раздумья о России. СПб.: LOGOS, 1999. С. 552–570.

- Лосева Л. Черный чехоманчик Егора Лисицы. М.: Эксмо, 2023. 320 с.
- Лотман Ю. М. Архитектура в контексте культуры // Семиосфера: культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб.: Искусство-СПБ, 2004. С. 677–683.
- Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблема семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII. Тарту: Изд-во Тартуского гос. ун-та, 1984. С. 30–45.
- Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва — Третий Рим» в идеологии Петра Первого (к проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Художественный язык средневековья. М.: Наука, 1982. С. 236–249.
- Маслова И. В. Городские смыслы и урбанизация // Новое прошлое. The New Past. 2017. № 3. С. 181–185. EDN: ZRMZGT. <https://doi.org/10.23683/2500-3224-2017-3-181-185>
- Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: НГПУ, 2003. 170 с. EDN: VXHJAT.
- Москва и Петербург: pro et contra: диалог культур в истории национального самосознания : антология / сост. К. Г. Исупов. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. 711 с.
- Полева Е. А., Ключник И. А. Специфика детективной интриги в романе Лены Элтанг «Радин» // Сиб. филол. журн. 2025. № 3. С. 157–169. EDN: EOYQPE. <https://doi.org/10.17223/18137083/92/11>
- Рогачева Н. А. На краю ойкумены: Западная Сибирь в русской литературе // Филол. дискурс: вестн. филол. факультета Тюменского гос. ун-та. 2000. Вып. 1. С. 37–42.
- Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве / отв. ред. К. В. Анисимов. Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2010. 234 с.
- Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического : избр. М.: Прогресс, Культура, 1995. С. 259–367. EDN: VKXBQN.
- Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы : избр. тр. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. 612 с. EDN: VNJOIJ.
- Хализев В. Е. Текст // Теория литературы. М.: Высшая школа, 2022. С. 273–281.
- Шевченко В. С. Элементы коммуникативной стратегии в формировании имиджа региона // Неофилология. 2024. Т. 10, № 1. С. 212–221. EDN: GHLLZR. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-212-221>
- Янушкевич А. С. Сибирский текст: взгляд извне и изнутри // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства / сост. Н. В. Пономарева. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2004. С. 227–235. EDN: VITWSL.
- Nikolaeva Zh. V., Troitskaya A. A. Discourse on identity as a way of understanding urban space. Translation from Russian // Journal of Frontier Studies. 2025. Vol. 10, № 4. P. 55–68. EDN: TRFQSS. <https://doi.org/10.46539/jfs.v10i4.805>

References

- Abashev, V. V. (2000). *Perm as text. Perm in Russian culture and literature of the 20th century*. Perm, Perm University Press, 404 p. (In Russian). EDN: QIRNEL.
- Abashev, V. V. (2006). A geopoetic view of the history of Ural literature. *Literature of the Urals: history and modernity*. Collection of articles. Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, pp. 17-30. (In Russian).
- Anisimov, K. V., ed. (2010). *Siberian text in the national plot space*. Krasnoyarsk, Siberian Federal University, 234 p. (In Russian).
- Blazhes, V. V. and Sozina, E. K., eds. (2012). *History of Ural literature. Late 14th-18th centuries*. Moscow, Language of Slavic Culture, 608 p. (In Russian).
- Bondarchuk, D. E. (2025). National identity through the prism of the geopoetics of the “Siberian text” (based on L.A. Yuzefovich’s novel “Winter Road”). *Literature at School*, no. 4, pp. 36-43. (In Russian). EDN: GFUNSI. <https://doi.org/10.31862/0130-3414-2025-4-36-43>
- Borisov, B. N. (2024). “Anatomical Atlas” of the city: mortal code in A. Platonov’s novel “Happy Moscow”. *Siberian Journal of Philology*, no. 2, pp. 99-111. (In Russian). EDN: PJCFPO. <https://doi.org/10.17223/18137083/87/9>
- Bukhanova, E. D. (2025). The plot of a journey in A.G. Bitov’s story “Birds, or the Announcement of Man” (1971, 1975). Mythopoetics of the Curonian Spit. *Siberian Journal of Phi-*

logy, no. 1, pp. 123-136. (In Russian). EDN: ATKYCM. <https://doi.org/10.17223/18137083/90/9>

Ignatenko, A. V. (2025). Linguoesthetic and idiodiscursive dimensions of artistic modeling. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 29, no. 3, pp. 688-711. (In Russian). EDN: CEIMCN. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-43207>

Isupov, K. G., comp. (2000). *Moscow and St. Petersburg: pro et contra: dialogue of cultures in the history of national identity*. Anthology. St. Petersburg, Publishing House of the Russian Christian Institute for the Humanities, 711 p. (In Russian).

Karimova, Zh. A. (2025). Urban text in Lili Kalas's prose as an element of seriality. *Oriental Studies*, vol. 18, no. 3, pp. 658-676. (In Russian). EDN: ZGUIGD. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2025-79-3-658-676>

Khalizev, V. E. (2022). Text. *Theory of literature*. Moscow, Higher School, pp. 273-281. (In Russian).

Kushneruk, S. L. (2021). Urban life through the lens of the local press: frame analysis. *Sign: Problem Area of Media Education*, no. 4, pp. 140-150. (In Russian). EDN: RFYESJ. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2021-10416>

Larionova, M. Ch. (2015). "The Rostov text" of Russian literature. *Problems of a multi-ethnic macroregion in the context of destabilization of the Caspian-Black Sea emigration*. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Rostov-on-Don, September 29-30, 2015). G.G. Matishov (ed.). Rostov-on-Don, Publishing House of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, pp. 201-206. (In Russian). EDN: UYVLGH.

Likhachev, D. S. (1999). The image of the city and the problem of historical continuity and cultural development. *Reflections on Russia*. St. Petersburg, LOGOS, pp. 552-570. (In Russian).

Loseva, L. (2023). *Yegor Lisitsa's black suitcase*. Moscow, Eksmo, 320 p. (In Russian).

Lotman, Yu. M. (1984). The symbolism of St. Petersburg and the problem of urban semiotics. *Semiotics of the city and urban culture. St. Petersburg. Works on sign systems of the 18th century*. Tartu, Publishing House of Tartu State University, pp. 30-45. (In Russian).

Lotman, Yu. M. (2014). Architecture in the context of culture. *Semiosphere. Culture and explosion. Inside thinking worlds*. St. Petersburg, Art-SPB, pp. 677-683. (In Russian).

Lotman, Yu. M. and Uspensky, B. A. (1982). Echoes of the "Moscow - the Third Rome" concept in the ideology of Peter the Great (towards the problem of medieval tradition in baroque culture). *Artistic language of the Middle Ages*. Moscow, Science, pp. 236-249. (In Russian).

Maslova, I. V. (2017). Urban meanings and urbanization. *The New Past*, no. 3, pp. 181-185. (In Russian). EDN: ZRMZGT. <https://doi.org/10.23683/2500-3224-2017-3-181-185>

Mednis, N. E. (2003). *Supertexts in Russian literature*. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University, 170 p. (In Russian). EDN: VXHJAT.

Nikolaeva, Zh. V. and Troitskaya, A. A. (2025). Discourse on identity as a way of understanding urban space. Translation from Russian. *Journal of Frontier Studies*, vol. 10, no. 4, pp. 55-68. EDN: TRFQSS. <https://doi.org/10.46539/jfs.v10i4.805>

Poleva, E. A. and Klyuchnik, I. A. (2025). The specifics of detective intrigue in Lena Eltang's novel "Radin". *Siberian Journal of Philology*, no. 3, pp. 157-169. (In Russian). EDN: EOYQPE. <https://doi.org/10.17223/18137083/92/11>

Rogacheva, N. A. (2000). On the edge of the oikumene: Western Siberia in Russian literature. *Philological Discourse: Bulletin of the Philological Faculty of Tyumen State University*, iss. 1, pp. 37-42. (In Russian).

Shevchenko, V. S. (2024). Elements of communicative strategy in forming a region's image. *Neophilology*, vol. 10, no. 1, pp. 212-221. (In Russian). EDN: GHLLZR. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-1-212-221>

Sozina, E. K., ed. (2020). *History of Ural literature. 19th century*. In 2 books. Moscow, Language of Slavic Culture, 1440 p. (In Russian).

Toporov, V. N. (1995). Petersburg and the "Petersburg Text of Russian Literature" (introduction to the topic). *Myth. Ritual. Symbol. Image: research in the field of mythopoeia*. Selected works. Moscow, Progress, Culture, pp. 259-367. (In Russian). EDN: VKXBQN.

Toporov, V. N. (2003). *The Petersburg text of Russian literature*. Selected works. St. Petersburg, Art-SPB, 612 p. (In Russian). EDN: VNJOIJ.

Yanushkevich, A. S. (2004). Siberian text: a view from outside and inside. *Siberia: a view from outside and inside. The spiritual dimension of space*. N. V. Ponomareva (comp.). Irkutsk, Irkutsk State University, pp. 227-235. (In Russian). EDN: VITWSL.

Zamyatin, D. N. (2004). *Metageography, the space of images, and images of spaces*. Moscow, Agraf, 512 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Кузнецова Анна Владимировна — докт. филол. наук, профессор, профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, avkuznetsova@sfedu.ru

Information about the Author

Anna V. Kuznetsova — Ph.D. in Philology, professor, professor of the Department of Domestic and Foreign Literature, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, avkuznetsova@sfedu.ru

Статья поступила в редакцию 05.06.2026; одобрена после рецензирования 19.06.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 05.06.2026; approved after reviewing 19.06.2026; accepted for publication 19.06.2026.